

ОПУЩЕННЫЕ СТРОФЫ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА: ТЕКСТ И СМЫСЛ

По прошествии более чем полувека с момента завершения Большого Академического собрания сочинений А. С. Пушкина¹ текстология его лирики накопила немало проблем — некоторые из них решаются в процессе издания нового академического собрания сочинений (вышедшие на сегодняшний день тома охватывают лирику до мая 1820 года)², но большая часть этих проблем находится в стадии обсуждения. Особые трудности касаются стихотворений непонятного статуса, не опубликованных Пушкиным при жизни — они, как правило, не имеют белого автографа, и вопрос об их завершенности остается открытым. Но помимо эдиционных проблем, черновые тексты стихотворений ставят перед нами и вопросы понимания — правильное текстологическое решение в сомнительных и сложных случаях зависит не только от вида черновика, но и от нашей способности проникнуть в замысел, не доведенный до окончательного воплощения, соотнести черновой текст с другими, завершенными, текстами, а также с обстоятельствами внетекстового порядка. Учитывая все это, сосредоточимся на трех примерах зачеркнутых или опущенных строф в лирике Пушкина.

«Два чувства дивно близки нам...»

Стихотворение при жизни не публиковалось, дошло до нас в виде двух автографов на отдельных листах — ПД-136 и ПД-137³. Оба листа заполнялись в Болдине предположительно в первой половине октября 1830 года — такая датировка подсказана ближайшим контекстом рукописей.

История публикации «Двух чувств» была открыта П. В. Анненковым — в своих «Материалах для биографии А. С. Пушкина» он привел лишь одну строфу, которая во втором автографе (ПД-137) написана набело, без помарок:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам⁴.

Анненков поместил эту строфу в ряду «заметок», «в которых заключен один порыв души, одна мысль, тревожно мелькнувшая в голове поэта»⁵. В отношении «Двух чувств» эта квалификация неточна — Пушкин работал над двумя последующими строфами, стремясь закончить стихотворение, и, вопреки очевидному, нарисовал внизу орнаментальную птицу — знак завершенности. Только через полвека И. А. Шляпкин обнаружил полностью две черновые строфы⁶, но вопрос об их соотношении до сих пор не решен и даже всерьез не обсуждался. В собрания сочинений Пушкина стихотворение входило с 1859 года и печаталось в виде одной строфы в разделе «Отрывки». Ситуация изменилась после публикации Шляпкина 1903 года — уже в издании под редакцией П. О. Морозова в примечаниях к основному корпусу приведен трехстрофный текст в том виде, как расшифровал его Шляпкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека, —
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва;
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

К последней строфе приведен вариант:

Земля без них была б пустыня,
Без . . . без них и бытия
. отечества святыня
И. семья⁷.

Каждому, кто видел рукопись, ясно, что реконструированный текст из трех по видимости доработанных строф представляет собой результат активного редакторского сотворчества. Это было учтено

издателями Большого Академического собрания сочинений, где стихотворение напечатано в таком виде:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была <б> без них мертва,
Как без пустыня
И как алтарь без божества⁸.

Еще одна абсолютно завершенная и перебеленная, но впоследствии зачеркнутая строфа напечатана в Большом Академическом собрании среди черновых вариантов:

На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его⁹.

Это текстологическое решение, за которое непосредственно отвечает Т.Г.Цявловская, принято сегодня за основу во всех более или менее авторитетных собраниях сочинений Пушкина. Между тем, есть немало аргументов и для другого взгляда на проблему текста этого стихотворения — эти аргументы содержатся и в автографах, и в ближайшем проблемном контексте пушкинского творчества.

В двух пушкинских черновиках запечатлен не «порыв души», не «одна мысль, тревожно мелькнувшая в голове поэта», а, напротив, устойчивая тема, объединяющая целое гнездо прозаических и поэтических текстов 1827–1830 годов. Развитие этой мысли можно проследить по транскрипции двух черновых автографов (приводим расшифровку Большого Академического собрания сочинений с отдельными коррективами):

ПД-136

Два чувства богом нам даны

*

В [в душе] в пищу
Любовь родного пепелища
И к мертвым прадедам любовь

*

Священные два чувства нам
в пищу
Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам

*

В двух чувствах данных богом нам
Находит сердце тайну пищу
Любовь к отеческим гробам
Любовь к родному пепелищу

*

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу
Любовь к отеческим гробам
Любовь к родному пепелищу
Отселе

*

Они-то сильны в нас<?> от века

*

Они священны человеку
На них основ<ано> века
Самостоянье человека

*

Они священны в нас от века
и в них

Самостоянье человека
Царя самих

*

Они в нас от века
и в них

Самостоянье человека
залог племен земных

*

На них основано от века
Начало всего
Самостоянье человека
И счастье

*

На них основано от века
По воле^а Бога самого
Самостоянье человека
И все величие его.

—————
[На них основано семейство
И ты, к Отечеству любовь!...]

—————
Земля была б без них пустыня^б
 [и без бытия]^с
[Отечество] святыня
[И] [семья]

ПД-137

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам.

[На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его.]

^а вариант: гласу

^б варианты: На нем покоит

На них основаны

На нем прост

Земля без них одн

^с варианты: без ней

без них

и бытия

на знало

*

Без одна пустыня

*

Земля без них одна пустыня

*

Без них наш тесный мир пустыня
И жизнь мертва^d
И как Альтарь без божества
душ

*

Животворящая святыня! —
Земля была <б> без них мертва^e
Как пустыня^f
И как Альтарь без божества¹⁰

Процесс работы шел следующим образом. Вначале Пушкин набросал на листе 136 сверху некую программу: «Древние, нынешние обряды. Кто бы я ни был, не отрекись, хотя я беден и ничтожен. Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при Царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я»¹¹. Эти строки входят в собрания сочинений как набросок к статье «<Опровержение на критики>», план одного из ее фрагментов, — статья писалась в Болдине в сентябре-октябре 1830 года, при жизни Пушкина опубликована не была (за исключением отрывка о «Полтаве»). С тем же успехом приведенные нами строки с листа 136 могут быть квалифицированы как прозаическая программа стихотворения «Моя родословная», над которым Пушкин работал в то же время и которое также не напечатал при жизни. И фрагмент «<Опровержения на критики>», и «Моя родословная» вызваны антипушкинским выпадом Ф. В. Булгарина, написавшего во «Втором письме из Карлова на Каменный Остров»: «Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрону, происходя от мулата, или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шхипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шхипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому. Думали ли тогда, что к этому негру признается сти-

^d вариант: И жизнь боже
^e вариант: Без них мертва
^f вариант: Земля пустыня

хотворец. Vanitas vanitatum»¹². По поводу этого памфлета и ответа на него в стихотворении «Моя родословная», распространявшегося в рукописях, Пушкин вынужден был объясняться с А. Х. Бенкендорфом и через него — с Николаем I (см. письмо Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года).

В письме Бенкендорфу, в соответствующем фрагменте «<Опровержения на критики>» и в «Моей родословной» Пушкин отстаивает свое личное достоинство, апеллируя к истории своего рода. Все это имеет непосредственное отношение к появлению стихов о «двух чувствах», где те же мысли, очищенные от биографической конкретики, принимают обобщенно-лирическую форму. После прозаической программы на листе 136 Пушкин начинает первую строфу «Двух чувств», затем долго и тщательно ее обрабатывает¹³ и доводит до окончательного вида. Перейдя ко второй строфе, он сразу находит формулу «самостоянье человека», которая в дальнейшем не претерпевает никаких изменений, в отличие от предыдущих и последующих стихов. Именно эта формула точно аккумулирует в себе пафос ряда высказываний Пушкина на эту тему, спровоцированных биографическим эпизодом. Личный опыт «самостоянья» он возводит этой ключевой формулой на уровень большого антропологического обобщения, философии личности. Само слово «самостоянье» является пушкинским неологизмом и больше нигде у него не встречается. Это уникальное слово, рожденное в процессе художественного осмысления личного опыта, получает сильный акцент и особый статус в энергетически насыщенном, но лексически традиционном контексте окружающих его стихов. Сочтя работу завершенной, Пушкин берет чистый лист бумаги и переписывает получившееся законченное восьмистишие в том его виде, в каком оно приведено выше в расшифровке листа 137. Текст имеет все признаки белой рукописи: он записан красивым почерком, без помарок, со знаками препинания, при этом лист расположен в альбомной ориентации — хорошо видно, что Пушкин намеревался разместить на нем только два четверостишия. Из всего этого можно заключить, что две первых строфы стихотворения представляют собой его завершенную и доработанную редакцию.

Однако через какое-то время Пушкин возвращается к этому листу. Что вызвало его неудовольствие в завершенном варианте стихотворения — сказать трудно, можно только гадать, но он перечеркивает несколькими решительными крестами строфу о «самостоянье человека» и начинает работу над новой строфой, пытаясь заменить ею предыдущую. Как справедливо писал Л. М. Аринштейн, эта работа велась уже другими чернилами¹⁰; при этом она не была слишком

длительной и тщательной и вовсе не доведена до конца. Тот вид, какой строфа приобрела в собраниях сочинений, является в немалой степени продуктом домысливания (таких случаев в лирике Пушкина немало). Эта реконструкция неочевидна, притом, что для нее потребовалась редакторская конъектура в начальном стихе. Вариант «И жизнь мертва» не отменен, лакуну перед словом «пустыня» Пушкин мог легко заполнить, но не сделал этого, так что вряд ли принял для себя эту строку в целом; при этом надо заметить, что реконструкция Шляпкина была еще более смелой и складной, чем вариант Большого Академического собрания сочинений. Относительно лакуны предположений может быть немного — Л. М. Аринштейн убедительно писал о том, что оптимальная конъектура могла бы выглядеть так: «Как <без оазиса> пустыня»¹⁵, но важно, что Пушкин не принял этого простого решения, предлагаемого исследователем. Он оставил строфу незавершенной и отказался от мысли довести стихотворение до печатного вида. Все это позволяет говорить о наличии двух редакций «Двух чувств» — первой, завершенной и перебеленной, и второй, черновой и незавершенной. Каждая из них состоит из двух строф — «Пушкин определенно имел в виду создание двухстрофного стихотворения»¹⁶, в котором первая строфа представляет собой тему, предмет высказывания, а вторая — рему, т.е. предикат, суть высказывания о предмете. Однако эта лаконичная конструкция не была им реализована. Решение печатать совсем недоработанную строфу в составе основного текста, а перебеленной отвести роль варианта представляется нам малообоснованным — принцип последней авторской воли здесь не работает, т.к. эта воля не была Пушкиным реализована. Никакого приоритета у второй редакции нет. Помимо этих прямых аргументов, следует учитывать и соображение более далекого порядка — в историю русской мысли о Пушкине это стихотворение вошло в том виде, как оно реконструировано Шляпкиным, т.е. с восстановленной второй строфой. Именно на этот полный трехстрофный текст, и, в частности, на строфу о «самостоянье человека» опирался, например, С. Л. Франк в своих статьях о Пушкине — «Религиозность Пушкина», «Пушкин как политический мыслитель», «Пушкин об отношениях между Россией и Европой»¹⁷; тот же текст цитировали Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, И. С. Шмелев, А. В. Карташев в своих пушкинских речах и статьях. Таким образом, трехстрофный вариант стихотворения, включающий в себя слова о «самостоянье человека», стал частью нашего культурного сознания, что тоже в каком-то смысле определяет статус этого черновика, не позволяет прятать завершенный беловой текст второй строфы среди пушкинских набросков и вариантов.

Если сосредоточиться на практической, эдиционной проблеме, то здесь возможны два решения. Первое: в соответствии с текстологическими принципами нового Академического собрания сочинений печатать как равноправные две двустрофные редакции стихотворения — завершённую, но отвергнутую, и позднюю, но не завершённую. Другое решение: печатать все три строфы как черновик несостоявшегося недоработанного стихотворения, не отдавая приоритета ни одной из редакций. Если же говорить о смысле этих строф, то он считается в самой динамике развития текста, в последовательности сменяющих друг друга вариантов, на которые приходится опираться в отсутствие канонического текста.

При формальной незаконченности стихотворение состоит из чеканных, отточенных поэтических формул — «любовь к родному пепелищу», «любовь к отеческим гробам», «самостоянье человека», «животворящая святыня», «алтарь без божества». В них нашли итоговое воплощение мысли, вызревавшие у Пушкина с середины 1820-х годов — о значении наследственной памяти, о личном историческом сознании, о связи с национальным прошлым, проходящей через Дом и Род. Тема «двух чувств» и «родного пепелища» (по Далю, это «наследованный от отца или от предков дом, жилище, место, земля»¹⁸) непосредственно продолжает мотивы также не завершённого пушкинского перевода «Гимна к пенатам» Р. Саути («Еще одной высокой, важной песни...», 1829):

Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат —
*Чтить самого себя*¹⁹.

В параллельно писавшейся «Моей родословной» находит развитие тема «отеческих гробов», родовой памяти, в которой семейная история сливается с большой историей отечества. «Уважение к мертвым прадедам» («<Опровержение на критики>»)²⁰ имело для Пушкина аспект социальный: в письмах, заметках, прозе он акцентировал особую ответственность дворянства как сословия, призванного хранить и передавать национально-историческую память («Роман в письмах», 1829; «Гости съезжались на дачу...», 1828—1830; «<Опровержение на критики>», 1830). Но в стихотворении о «двух чувствах» эта тема звучит надсоциально, обобщенно, с философским углублением — здесь дана, по словам С. Л. Франка, пушкинская «философия почвенности»²¹. «Любовь к родному пепелищу» и «любовь к отеческим гробам» получают статус вечных общечеловеческих ценностей,

они заповеданы свыше («Два чувства богом нам даны...» — первый вариант первого стиха) и в то же время интимны, «дивно близки», питают сердце. Если в статьях и прозе Пушкин говорил об «уважении к мертвым прадедам», «уважении к минувшему» («<Наброски статьи о русской литературе>», 1830)²², о праве «гордиться славою своих предков» («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827)²³, то в стихах на место «уважения» и «гордости» приходит «любовь» (этому слову отведена сильная позиция анафоры в 3-м и 4-м стихах) — так разговор о родовой памяти переводится из плана исторического и социального в сферу душевной жизни человека.

К 1830-му году, в виду близкой женитьбы, тема дома приобрела особое звучание для Пушкина, заменив собой хронотоп дороги, характерный для его лирики предшествующих лет. Дом у Пушкина — «это свое, родное и вместе с тем закрытое, защищенное пространство, пространство частной жизни, в котором осуществляется идеал независимости<...> Но это и место, где человек живет подлинной жизнью, здесь накапливается опыт национальной культуры...»²⁴. Именно в таком значении, вмещающем полноту общечеловеческого и личного, фигурирует «родное пепелище» в стихотворении о «двух чувствах».

Во второй строфе оформлена своего рода поэтическая антропология Пушкина — словом «самостоянье» означена вертикаль жизни человека, через которую реализуется его истинное назначение («величие его»), и восставлена эта вертикаль на «двух чувствах», на заповеданной любви. Таким образом личная состоятельность ставится у Пушкина в зависимость от укорененности в почве родовой и национальной истории; «любовь к родному пепелищу» и «любовь к отеческим гробам» оказываются фундаментом бытия личности. В третьей строфе Пушкин переходит от антропологии к самой общей онтологии: масштаб жизни отдельного человека заменяется масштабом всей земли: «Земля была без них мертва...». Сама жизнь, бытие вообще определяются верностью родному дому и памяти предков — любовь к ним обеспечивает связь времен и продолжение жизни.

Мысль о священности «двух чувств» — главная внутренняя тема стихотворения: пройдя через несколько отброшенных вариантов («священные два чувства нам», «они священны человеку», «они священны в нас от века»), она обретает вид центральной формулы — «животворящая святыня», — в которой слово «святыня» усилено и обогащено сакральными коннотациями прилагательного «животворящий». Священны не сами по себе «пепелище» и «гроба», а способность человека любить их, его личная память, имеющая благодатную, животворящую силу.

Третья строфа характеризуется исключительной густотой сакральных понятий и образов: «животворящая святыня», «как пустыня», «алтарь без божества». Ясно, что в недоработанном предпоследнем стихе так или иначе заложено значение «источника в пустыне», независимо от того, какое конкретное слово могло бы быть здесь у Пушкина («без источника», «без оазиса» или что-то подобное). «Источник в пустыне» — библейский образ, традиционно символизирующий духовный источник самой жизни; к тому же семантическому полю примыкает последний стих — «И как алтарь без божества». Этими сравнениями «два чувства» приближены к средоточию жизни, к ее абсолютному смыслу.

Как видим, Пушкин колебался между двумя возможностями развития мысли о «двух чувствах» — в первой двустрофной версии он намеревался решить тему в плане личности, во второй перешел в план общебытийный. Выбора между двумя этими путями развития текста Пушкин не сделал — из этого и следует исходить при публикации и анализе стихотворения.

«Заклинание»

Это стихотворение написано Болдинской осенью, при жизни Пушкина не публиковалось; в собрания сочинений оно входит с 1841 года²⁵ и с тех пор по настоящее время печатается во всех изданиях в виде трех строф:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,

Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!...

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда,
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!²⁶

Единственным источником текста является автограф на двух листах ПД-141 и ПД-141об.²⁷, беловой с поправками, имеющий дату «17 окт<ября>» — по нему и печаталось стихотворение в таком виде до тех пор, пока к автографу не было привлечено внимание специалистов. В 1995 году Н. И. Михайлова указала на то, что вторая строфа автографа зачеркнута чернилами, а пунктирные знаки восстановления слева от нее сделаны карандашом, и карандашом же и не пушкинской рукой на поле написано: «писать». Это слово, «адресованное переписчику, по мнению Р. В. Иезуитовой, написано, по-видимому, рукой В. А. Жуковского. Вероятно, им же сделан для переписчика и знак восстановления текста второй строфы. <...> Таким образом, на основании изучения автографа “Заклинания”, можно считать, что строфа восстановлена при публикации стихотворения вопреки авторской воле»²⁸.

При всей осторожности приведенных суждений, из них прямо следует, что «правильный» текст «Заклинания» состоит из двух строф — первой и третьей и что в таком усеченном виде оно и должно печататься²⁹. Однако, это далеко не бесспорно. Знаток и замечательный дешифровальщик пушкинских рукописей С. М. Бонди так определил принципиальное различие между черновиком и беловиком: «беловик есть документ статический, дающий результаты работы, черновик же фиксирует самый процесс ее, является, по выражению Б. Томашевского, “документом творческого движения”»³⁰. Именно такое «творческое движение» считывается с двух листов автографа «Заклинания»: Пушкин перебелил стихотворение с какого-то не дошедшего до нас черновика, поставил под ним дату и виньетку, после чего вернулся к тексту, стал его дорабатывать (видимо, в более позднее время и другими чернилами³¹), но не довел процесс до конца — так, например, в стихе «Убила друга моего» он зачеркнул слово

«друга», но ничем не заменил его. Во вторую строфу он тоже начал вносить изменения, а потом зачеркнул ее, но не тем решительным зачеркиванием, какое мы знаем по его рукописям, а тонкими чертами, что может свидетельствовать о сомнениях. В любом случае перед нами не завершённый текст, работа над ним растянута во времени, и не все творческие решения доведены до конца. А главное — Пушкин так и не решился опубликовать стихотворение, и это тоже ставит под вопрос окончательность текста. Простой формальный подход в этом неочевидном случае не может быть принят — чтобы выработать обоснованный взгляд на текст, следует вникнуть в обстоятельства создания стихотворения, рассмотреть его творческий и биографический контекст.

Продумывая состав третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», поэт обнаружил намерение печатать «Заклинание» — дважды оно появляется в списках стихотворений, предназначенных для сборника (оба составлены в 1831 году). В первом списке «Заклинание» фигурирует без даты³², во втором ему придана ложная дата: «Заклинание 1828». Можно было бы счесть эту дату ошибкой памяти поэта — но нет, такому предположению противоречит тот факт, что такие же ложные даты стоят в списке возле соседних двух стихотворений: «В последний раз 1829», «Для берегов чужбины & 1828»³³. Эти три стихотворения — «Прощание» («В последний раз твой образ милый...»), «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней...» написаны в 1830 году в Болдине, соответственно, 5 октября, 17 октября и 27 ноября; они составляют тесный цикл и недаром в пушкинском списке расположены рядом. Этот цикл пушкинисты условно называют «прощальным»³⁴ — накануне женитьбы поэт прощается с прошлым, с прежними возлюбленными, при этом чувства, нашедшие выход в трех этих элегиях, оказываются сложными, интимными, так что поэт, предполагая их печатать, предпочитает ложными датами отнести их к более раннему, холостому периоду своей жизни. Однако и это, видимо, оказалось для него невозможным — все три прощальных стихотворения Пушкин в результате счел не пригодными к печати и не обнародовал их ни в готовящемся собрании, ни в каком-либо другом издании³⁵, они остались в интимном поле его внутренней биографии. В этом контексте колебания Пушкина в отношении второй строфы «Заклинания» кажутся вполне понятными — именно в ней происходит конкретизация чувства, образ возлюбленной воскрешается силой слова, силой любви и получает некоторую власть над героем стихотворения.

«Прощальный цикл» представляет собой не только биографическое, но и формальное единство — в нем Пушкиным реализована

определенная модель художественного мышления: все три стихотворения написаны четырехстопным ямбом и имеют трехстрочную композицию, в каждом из них средняя строфа содержит в себе кульминацию лирического сюжета. В «Заклинании» эта кульминация особенно сильно интонирована — если в первой строфе звучит сомнение в проницаемости границы между миром живых и мертвых («О, если правда...»), то во второй строфе идет эскалация лирического чувства и граница миров прорывается, умершая возлюбленная оживает, видится реально, а вместе с этим оживает и любовь. Собственно, в этом состоит лирический сюжет, который уничтожается, схлопывается, если исключить из текста вторую строфу. Этого не мог не чувствовать Пушкин, колебавшийся над второй строфой, — этого не мог не увидеть и Жуковский, готовя стихотворение к публикации.

Все эти соображения о лирическом сюжете «Заклинания» никак не отменяются тем фактом, что в тексте стихотворения присутствуют отсылки к целому ряду других текстов, как русских, так и иноязычных, — к стихам Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, к образам Дж. Байрона, и главное, с наибольшей очевидностью — к стихотворению Барри Корнуолла «An Invocation», что было замечено еще век назад³⁶. Сам мотив призывания мертвых достаточно традиционен, но у Корнуолла Пушкин заимствует его в конкретной поэтической форме — заимствует, чтобы оттолкнувшись, создать свою смелую версию лирического сюжета. «Пушкина не занимают потусторонние вопросы, он хочет видеть и осязать свою возлюбленную немедленно — здесь и сейчас»³⁷, — пишет об этом Г. Кружков, проведя построчный сравнительный анализ двух стихотворений.

«Заклинание» — характерный для позднего Пушкина случай переводной лирики, когда заимствованный сюжет оказывается вместилищем глубоко личных тем. Из трех стихотворений болдинского «прощального» цикла оно, пожалуй, самое интимное — по силе и характеру воплощенных в нем переживаний. Это должно быть учтено при решении вопроса о статусе текста и, в частности, его второй строфы. «Заклинание» осталось в не напечатанном виде, оно не доработано, что лишает исследователей права исключать из него вторую строфу, а первую и третью печатать как завершённый текст. Конечная воля автора в отношении этого стихотворения нам неизвестна.

«Воспоминание»

Стихотворение написано 19 мая 1828 года, согласно помете в автографе, и, в отличие от двух разобранных выше стихотворений, напечатано Пушкиным при жизни – в альманахе «Северные цветы на 1829 год» и в «Стихотворениях Александра Пушкина», часть вторая (1829). Публикации идентичны, однако обращение к автографу ПД-838³⁸ показывает, то Пушкин опубликовал лишь половину написанного текста:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю³⁹.

Оставшаяся в рукописи вторая часть стихотворения в Большом Академическом собрании сочинений расшифровывается так:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве губительной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи <?> [и] в степях
Мои утраченные [годы].
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу наносит хладный свет
[Неотразимые обиды].
Я слышу жужжанье клеветы
Решенья глупости лукавой
И шепот зависти и легкой суеты

Укор веселый и кровавый —
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые —
Но оба с крыльями и с пламенным мечом —
И стерегут — и мстят мне оба —
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба⁴⁰.

Эта сводка, сделанная Н. В. Измайловым, дана здесь без учета вариантов. На самом деле текст второй части стихотворения читается с трудом, работа над ним не доведена до конца. В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о принципах подачи подобных черновиков в специальных изданиях, предназначенных для профессионалов. В Большом Академическом собрании сочинений не соблюдено текстологическое единообразие в разделе «Другие редакции и варианты»: одни черновики поданы в виде транскрипции отдельных листов, другие — в виде сводки вариантов, в которой невозможно отделить процесс от результата, так что последовательность вариантов остается неясной, что не способствует проникновению в замысел и, соответственно, пониманию текста. Именно так обстоит дело и с «Воспоминанием», в отношении которого вся сложнейшая текстологическая работа должна быть проделана заново.

При этом вторая часть стихотворения Пушкиным в рукописи не зачеркнута, что дало повод издателям долгое время печатать ее в составе основного текста — в собраниях сочинений под редакцией Г. Н. Геннади, П. А. Ефремова, П. О. Морозова, Л. И. Поливанова «Воспоминание» состоит из 32 стихов (в более короткой расшифровке П. В. Анненкова) и разделено на две части.

Автограф «Воспоминания» порождает ряд вопросов: как следует печатать эти стихи — полностью или без второй части, как соотносится вторая часть с первой и почему Пушкин отбросил ее при публикации? Первая проблема сегодня не вызывает больших сомнений: печатать стихотворение следует так, как печатал его Пушкин, то есть без второй части⁴¹, тем более, что она не была доведена до печатного вида (хотя доподлинно мы не знаем этого, так как беловых рукописей «Воспоминания» не сохранилось). По двум другим вопросам обсуждение ведется почти столетие, открыл его П. В. Анненков, первым опубликовавший, хоть и не полностью, вторую часть стихотворения с таким комментарием: «Эта уединенная исповедь, открывающая чита-

телю, по-видимому, все душевные тайны поэта, останавливается там, где вместо общего выражения чувства человеческого должно явиться выражение чувства отдельного лица. <...>С чудным двустишием:

И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю

кончается исповедь для света, но Пушкин еще продолжает ее, уже не из потребности творчества, а из потребности высказаться и полнее определить себя. Несколько замечательных строф посвящает он еще разбору своей жизни, но эти строфы, как представляющие частные подробности, уже выпускаются из печати. <...>Так пьеса представляет нам образец художнического очищения произведений и вместе с душой поэта их родства с душой поэта, чем и объясняется тайна их теплоты и неотразимого влияния на читателя»⁴². Анненков пронизательно подошел к главной проблеме этого текста — ведь граница между первой частью и второй ощущается отчетливо как граница между общим и частным, всеобщим и личным; две части вместе составляют качественно иной текст с другим уровнем художественного общения. Почти все мотивы второй части ложатся на обстоятельства биографии Пушкина, но не все поддается разгадке. Особенно много сил пушкинисты потратили на вопрос о двух ангелах «с крыльями и с пламенным мечом» — какие реальные женщины стоят за этими тенями?⁴³ — хотя общебиблейский контекст этих образов гораздо важнее их конкретной прототипики⁴⁴.

Пушкинское художественное решение отсечь вторую часть — безусловно, он не повел лирический сюжет по пути конкретных воспоминаний, оставив в тексте только взвесь личного опыта. Но важно, действительно, понять, как пытался осмыслить это Анненков, что все-таки определило развитие чернового текста, а этот вопрос упирается в понимание последнего стиха, на котором Пушкин оборвал печатную версию «Воспоминания»: «Но строк печальных не смываю». «Не смываю» — потому что не хочу смыть или не могу? Этот вопрос оказался ключевым для всех толкователей «Воспоминания». Еще в 1922 году Л. В. Щерба, автор детального лингвистического анализа стихотворения, писал: «Затруднительным представляется понимание и чтение стиха 16. Спорным является, **не хочет** или **не может** автор смыть печальные строки. Я решаю его в первом смысле и в соответствии с этим делю стих на две части — психологического подлежащего и психологического сказуемого, считая, что сознание при этом как бы останавливается сначала на созерцании “печальных

строк” в их целом, а затем на несколько неожиданном нежелании их все же вычеркнуть из истории своего я, из истории своей личности. Один из моих бывших слушателей, С. М. Бонди, человек, обладающий очень тонким чутьем языка, понимал дело иначе, ссылаясь на то, что форма настоящего времени в русском языке может иметь модальное значение: *я не говорю по-французски* значит: “я не могу, не умею говорить”. Однако это модальное значение, по-моему, является лишь оттенком общего значения: “я вообще не говорю (не только в настоящее время)”. Между тем приписать словам *не смываю* в данном случае общее значение решительно невозможно. Я полагаю, что для выражения невозможности смыть печальные строки надо было бы употребить оборот *с не смывается* или что-либо в этом роде»⁴⁵. Современный исследователь не слишком убедительно возражает Л. В. Щербе, ссылаясь на аналогичные конструкции в других стихах Пушкина: «Вопреки Щербе, пушкинские выражения — с точки зрения грамматики — предпочтительнее для толкования именно в смысле “не могу, не в состоянии”»⁴⁶.

Очевидно, что пушкинский текст сопротивляется поставленному вопросу и не содержит в себе ответа на него — поскольку сам вопрос поставлен некорректно. Пушкин написал ровно то, что написал, и хотел сказать именно то, что сказал: «Не смываю». Черновой автограф при ближайшем рассмотрении дает возможность видеть всю эмоциональную силу, вложенную в эти слова: Пушкин, пренебрегавший в рукописях пунктуацией, ставит в одном из вариантов три восклицательных знака после этого стиха: «Но строк печальных не смываю!!!» — так выделенное слово получает значение сильного внутреннего жеста, поступка. Точнее других об этом словесном поступке высказался С. Сендерович: «Без ссылки на нормативный религиозный контекст *не смываю* может означать только имманентную, экзистенциальную позицию, или парадоксальную “моральность без морали”. Ценность в экзистенциальном модусе строится на переживании конфликта подлинности и неподлинности существования. Это непосредственные ценности, выражающие личность целостно, а не на основе внешних критериев. Отсюда и невозможность различать между “не хочу” и “не могу”»⁴⁷.

Упоминание религиозного контекста здесь более чем уместно — не столько из-за реальных библейских подтекстов стихотворения, сколько из сложившейся традиции интерпретировать его в соотношении с 50-м псалмом. П. Е. Щеголев называл «Воспоминание» «покаянным псалмом»⁴⁸, а В. В. Розанов прямо сравнивал его с 50-м псалмом Давида: «Его “Когда для смертного умолкнет шум-

ный день...” одинаково с 50-м псалмом (“Помилуй мя, Боже”). Так же велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда⁴⁹. Но это же сопоставление в наши дни рождает совсем другие выводы и другие чувства:

«Предмет финала «Воспоминания» (*не смываю*»), а стало быть, по существу, всего стихотворения, является нам лишь на фоне покаянного псалма:

“Наипаче *омый* мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя... *омыеши* мя, и паче снега *убелюся*...” (Пс. 50, 3–4, 9).

И в ветхозаветном, и в христианском понимании, цель и смысл покаяния — очищение, *омовение* души от греха, которое возможно не самому человеку, но только Богу. Покаяние без такой цели и, следовательно, без молитвы об очищении, просьбы о помощи — не имеет смысла.

В “Воспоминании” грех *не смывается*; ни обращения, ни молитвы, ни просто просьбы, ни даже надежды нет: “И горько жалуясь, и горько слезы лью” — не обращено ни к кому, направлено в никуда: в нем самодостаточность безнадежности. Вопрос не в том, может ли, хочет ли (или не может и не хочет) автор смыть печальные строки своей жизни; автор говорит просто: “не смываю”, — *как если бы лишь от него самого зависело смыть или не смыть. Как если бы больше это сделать было некому.*

Это значит, что “Воспоминание” есть не сразу явное, но прямое *противостояние* Давидову псалму: исповедь без адреса и цели, жалоба без надежды, покаяние без молитвы об очищении, слезы без облегчения; *псалом в отсутствие Бога* в сущности — антипсалом⁵⁰.

Между тем, именно отсечением второй черновой части, отказом от конкретной исповеди Пушкин положил заслон такого рода толкованиям, положил границу между литературой и жизнью, условно говоря. Он замкнул эстетическое целое первых 16-ти стихов, не оставив повода и права для биографических, психологических, моралистических применений текста. «Не смываю!!!» — но это остается в жизненной допоэтической сфере, в черновиках, за границей белого текста.

Чтобы прочувствовать эту разницу и эту границу, вспомним еще одно авторитетное суждение о «Воспоминании» — речь пойдет о Льве Толстом. Он очень высоко оценил пушкинское стихотворение, поместил его в «Круг чтения», а в 1903 году, приступая к диктовке собственных воспоминаний, предварил их пушкинским текстом (1-й его частью) с таким комментарием:

«Когда я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна была бы произвести такая биография.

В это время я заболел. И во время невольной праздности болезни мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении <следует пушкинский текст. — И.С.>.

В последней строке я только изменил бы так, вместо: *строка печальных...* поставил бы: *строка постыдных* не смываю.

Под этим впечатлением я написал у себя в дневнике следующее:

“6 января 1903 г.

Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспоминания эти не оставляют меня и отравляют жизнь. Обыкновенно жалеют о том, что личность не удерживает воспоминания после смерти. Какое счастье, что этого нет. Какое было бы мучение, если бы я в этой жизни помнил все дурное, мучительное для совести, что я совершил в предшествующей жизни...”⁵¹.

Как видим, из пушкинского стихотворения Толстой выходит непосредственно в свою жизнь, но для такого применения текста его приходится исправить, как карту звездного неба. Уничтожая границу искусства и жизни, Толстой делает тот шаг, от которого отказался Пушкин, опустивший вторую часть стихотворения. Для позднего Толстого несомненен приоритет жизни над литературой, нравственной задачи над эстетической. Его воспоминания не имеют претензий на искусство — это жизненно важный, жизнестроительный текст, и входя в этот текст через пушкинские стихи, Толстой совершает в отношении Пушкина некий акт, обратный творчеству. Чувство, запечатленное у Пушкина, не требует дальнейшего развития, но Толстой поправляет стихотворение, чтобы использовать его как руководство к духовной работе. Пушкинское «печальных» и толстовское «постыдных» — два полярных словесных символа двух типов отношения к искусству.

Итак, мы рассмотрели три пушкинских стихотворения в аспекте соотношения чернового, на той или иной стадии отброшенного фрагмента с художественным целым. Во всех трех случаях этот опыт позволил нам убедиться в том, что, независимо от принимаемого эдиционного решения, внимание к черновику, к опущенным строфам, к развитию творческого процесса позволяет сформировать более объемный, хоть и не всегда однозначный, взгляд на окончательный текст.

- ¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. [М.; Л.,] 1937–1949, 1959.
- ² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб., 1999. Т.1; СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1.
- ³ РО ИРЛИ. Ф. 244. Ед. хр. 136, 137.
- ⁴ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 346.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Шляткин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 20–21, 54.
- ⁷ Пушкин А. С. Сочинения и письма: в 8 т. / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 2. С. 597.
- ⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. [М.-Л.,] 1948. Т. 3. Кн.1. С. 242.
- ⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. [М.-Л.,] 1949. Т. 3. Кн. 2. С. 849.
- ¹⁰ Там же. С. 847–849.
- ¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. [М.-Л.,] 1949. Т.11. С. 388.
- ¹² Северная пчела. 1830. 7 августа. № 94.
- ¹³ Пользуясь случаем, поправляем ошибку (лист 136 вместо листа 137 с перебеленным текстом) в замечательной книге: Болдинская осень. Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, письма, критические статьи, написанные А. С. Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года / Сопроводит. текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана. М., 1974. С. 195.
- ¹⁴ Ариштейн Л. М. Незавершенные стихотворения Пушкина (текстологические проблемы) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 296.
- ¹⁵ Там же. С. 298.
- ¹⁶ Там же. С. 296.
- ¹⁷ Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX в. М.; СПб., 1999. С. 437, 461, 494.
- ¹⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 30.
- ¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. Кн. 1. С. 193.
- ²⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. С. 161.
- ²¹ Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX в. С. 494.
- ²² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. С. 184.
- ²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. С. 55.
- ²⁴ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 142.
- ²⁵ Пушкин А.С. Соч.: в 11 т. СПб., 1841. Т. 9. С. 164–165.
- ²⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. Кн. 1. С. 246.
- ²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 244. Ед. хр. 141.
- ²⁸ Михайлова Н. И. Стихотворение А. С. Пушкина «Закливание» (из наблюдений над текстом) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26. СПб., 1995. С. 98.
- ²⁹ Там же. С. 99–100.
- ³⁰ Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М., 1971. С. 152.

- ³¹ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 59.
- ³² Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997. С. 194.
- ³³ Там же. С. 197.
- ³⁴ См.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 229; *Грехнев В. А.* Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 297–334.
- ³⁵ Единственное исключение — публикация «Прощания» в нотах романа А. П. Есаулова, известная в одном экземпляре.
- ³⁶ *Яковлев Н. В.* Последний литературный собеседник Пушкина (Бари Корнуоль) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917. Вып. 28. С. 17–20.
- ³⁷ *Кружков Г.* Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. М., 2001. С. 98.
- ³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 244. Ед. хр. 838. Л. 13 об. — 15 об.
- ³⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. Кн. 1. С. 102.
- ⁴⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. Кн. 2. С. 651.
- ⁴¹ *Левкович Я. Л.* «Воспоминание» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 107–120; *Муравьева О. С.* «Воспоминание» // Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. С. 312–316.
- ⁴² *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 197–198.
- ⁴³ Обзор мнений см.: *Левкович Я. Л.* «Воспоминание» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. С. 114–115.
- ⁴⁴ Об этом см.: *Сурат И.* «Жил на свете рыцарь бедный...» М., 1990. С. 66. Ср.: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 212–213.
- ⁴⁵ *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 34. Заметим, что Щерба работал с двучастным текстом стихотворения в составе 32 стихов.
- ⁴⁶ *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. С. 217–218.
- ⁴⁷ *Сендерович С.* Алетейя: Элегия Пушкина «Воспоминание» и проблемы его поэтики. Wien, 1982. С. 70, 259.
- ⁴⁸ *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 342
- ⁴⁹ *Розанов В. В.* Уединенное. М., 1990. С. 213.
- ⁵⁰ *Непомнящий В. С.* Лирика Пушкина как духовная биография. М., 2001. С. 175.
- ⁵¹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 345–346.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ОТ ИСТОРИИ ТЕКСТА
К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

,

Москва
ИМЛИ РАН
2015